

Сюэ Фэйфэн, проезжая мимо хлопкового поместья, изначально не хотел беспокоить его обитателей. Солдаты разбили палаточный лагерь вокруг поместья, не мешая людям входить и выходить; требовалось лишь зарегистрироваться, указав имя и причину.

Чан Чань была готова взвалить госпожу на плечи и бежать со всех ног. Опасаясь встретить знакомых, они обмотали головы платками и, поддерживая «ослабевшего» Шэнь Цинжаня под руки, изображали, что ведут больного к лекарю.

Даже если им очень хотелось увидеть Сюэ Фэйфэна, сейчас было совершенно неподходящее время. Братья и сестра Чан, рискуя навлечь на себя гнев господина, помогали Шэнь Цинжаню тайно заниматься сельским хозяйством, и он, разумеется, не мог подвести их ради собственных желаний.

Он добросовестно играл роль больного. После нескольких дней непрерывного изнурительного труда его и без того стройная фигура казалась совсем иссохшей; ноги ныли и подкашивались при ходьбе, кожа была бледной, а под глазами залегли темные тени. Добавив на лицо немного золы, он добился сходства с больным на все девяносто процентов.

Его актерское мастерство, отточенное за полгода противостояния с генералом, достигло своего пика.

Подойдя к задним воротам, они были остановлены дозорным:

— Имена? Зачем выходите?

Чан Мин замахал руками:

— Не подходи, отойди подальше! Мы батраки из этого поместья, наш младший брат подхватил заразу, которая передается людям. Как только услышали, что генерал Сюэ со своим войском разбивает здесь лагерь на ночь, так сразу решили уйти — разве можно нам оставаться рядом с армией? Если вдруг кто заразится, мне и ста жизней не хватит, чтобы расплатиться!

Они заранее договорились с управляющим поместьем о том, что говорить в случае проверки, так что расследования не боялись. Му Вэнькоу помогал Шэнь Цинжаню обманывать Сюэ Фэйфэна: во всех владениях виллы «Тянься» ему достаточно было предъявить верительную бирку, и все беспрекословно подчинялись его приказам.

Солдат невольно отступил на шаг:

— Понял, проходите быстрее и не суйтесь туда, где много людей.

— Наш младший брат так восхищается генералом Сюэ! Если бы не слабое здоровье, давно бы пошел в армию. Но мы не смеем причинять генералу беспокойство... — Чан Мин вовремя пустил в ход лесть: — Мы сейчас же уйдем, сию же минуту.

Видя, с какой искренностью и без тени фальши он это произнес, солдат с гордостью ответил:

— То-то же.

Шэнь Цинжань вместе с сестрой и братьями Чан благополучно миновали ворота.

Но ему всё время казалось, что чего-то не хватает. Спустя мгновение его осенило:

— Ой, беда! А как же собаки? Мы их забыли!

Эти два маламута, похоже, вознамерились остаться одиночками на всю жизнь, и Шэнь Цинжаню приходилось таскать их за собой повсюду. Хотя в дороге с ними и было хлопотно, но кормить их три раза в день не составляло труда.

Не успел он это произнести, как из калитки выскочили две огромные взрослые собаки и бросились прямо на Шэнь Цинжаня. Шэнь Цинжань, привыкший к их выходкам, рефлекторно отпрыгнул в сторону, но неосторожно потянул ноющие мышцы и тихонько вскрикнул от боли.

Маламуты неслись так стремительно, что солдат успел заметить лишь два промелькнувших мимо пушистых серебристо-серых пятна. Проследив за ними взглядом, он увидел, как тот самый «больной», что секунду назад едва держался на ногах, уклоняется с ловкостью абсолютно здорового человека.

— Это собаки или волки? — с сомнением спросил первый солдат у товарища.

Второй солдат ответил:

— Где ты видел таких собак? Это точно волки! Помнишь, несколько лет назад генерал совершил ночную вылазку на вражеский лагерь, и бэйхуэйцы натравили на него волков? Так вот они были точно такими же огромными!

Они переглянулись и с подозрением уставились на Шэнь Цинжаня.

Как только прибыл генерал, этот человек тут же притворился больным и поспешил скрыться. Выглядит он не как простой крестьянин, да еще и держит при себе бэйхуэйских волков — уж не шпион ли это?

— Подозрительные типы. Я прослежу за ними, а ты беги докладывай!

...

— Охранник Чан приказал схватить их!

— Сюда!

— Перехватите их!

— Стоять!!!

Чан Чань напряглась, разрываясь между желанием бежать и остаться.

Против них — всего лишь кучка дозорных. Если Чан Суй взвалит госпожу на плечи, а они с Чан Мином подхватят по собаке, они будут вдвое быстрее этих солдат и скроются из виду в мгновение ока.

Но это неминуемо вызовет еще больший переполох, и генерал Сюэ явится сюда в ту же минуту. К тому же, у маламутов слишком приметная внешность, и личности всех четверых будут раскрыты без труда.

Трое перевели взгляд на Шэнь Цинжаня, ожидая его решения.

Шэнь Цинжань уставился на двух собак и внезапно понял, что чувствуют родители, когда торопят своих детей со свадьбой.

Да вы хоть бы потомство мне оставили!!!

Хватит сидеть у меня на шее, пожалуйста!

Он молниеносно запросил у Системы три цзиня бобов маша и набил ими свои сапоги. Края штанин он заправил внутрь, не упуская ни одной детали, благо сверху всё скрывал длинный халат.

Шэнь Цинжань быстро проинструктировал свою команду:

— Помните: мы пришли специально, чтобы найти генерала. От тоски по нему я потерял покой и сон, спешил в дороге и сильно исхудал. А так как я весь в пыли после путешествия, то посчитал, что выгляжу неподобающе, и решил отдохнуть пару дней, прежде чем предстать перед ним. По стечению обстоятельств генерал остановился здесь, но я не осмелился выйти к нему.

Все четверо покорно сдались и позволили отвести себя в палатку.

Они вели себя тише воды, ниже травы и не оказывали ни малейшего сопротивления.

В конце концов, ситуация была довольно постыдной. И чем позориться на глазах у целой толпы, лучше было дожидаться, пока лишние люди уйдут, и тогда уже объясниться.

К тому же личность Шэнь Цинжаня нужно было держать в тайне — кто знает, сколько шпионов других фракций затесалось в армию. В случае разоблачения последствия могли быть катастрофическими. Неизвестно, сколько глаз следит за той «фальшивой госпожой», что осталась на вилле «Тянься» вместо него.

— Сидите тихо! Отвечать только на вопросы! Если соврете хоть слово — берегите свои головы!

— Эти люди владеют боевыми искусствами, свяжите их!

Ладно бы связали их, но как они смеют связывать госпожу?! Чан Мин тут же возмутился:

— Позовите Чан Бая! Мы его старые друзья.

— Это охранник Чан приказал вас схватить. Не ожидали? — усмехнулся солдат, закатив глаза, и шагнул вперед, чтобы связать Шэнь Цинжаня.

— Что ты сказал? — Чан Чань вперила в него такой ледяной взгляд, что солдат невольно содрогнулся.

Ее братья в тот же миг прониклись сочувствием к Чан Баю.

В мгновение ока Чан Чань уложила на лопатки двух солдат, стоявших у нее за спиной. Она нетерпеливо вскинула бровь:

— Нам нечего скрывать, потому мы и пошли с вами. Думаете, вы в состоянии со мной справиться? У меня есть срочное донесение для охранника Чана, и если из-за вас мы упустим важный военный момент, отвечать будете вы!

В ту же секунду Чан Мин и Чан Суй перешли в наступление и обезвредили семерых солдат.

— Иди за Чан Баем и генералом, а мы подождем здесь, — сказала Чан Чань младшему брату.

Чан Суй, прекрасно знающий, как устроены военные лагеря, отправился на поиски.

Семеро связанных в кучу солдат сидели в палатке тише мышей. Чан Мин с горечью в голосе отчитывал их:

— Как вы собираетесь защищать народ, если так недооцениваете противника?!

Солдаты покраснели от стыда. Не каждый день встретишь людей с таким уровнем боевого искусства! Их раскидали в мгновение ока, а эта дьяволица дерется уж точно не хуже охранника Чана!

Палатка была установлена наспех. Ни стола, ни стульев — только охапки сухой травы, накрытые рваной тканью, заменяющие кровати. Обстановка была спартанской и вызывала жалость.

Связанным солдатам было от восемнадцати-девятнадцати до сорока лет.

Шэнь Цинжань вынул кляп изо рта самого молодого из них:

— Не кричи. Я хочу кое-что спросить.

Опасаясь гнева дьяволицы, солдат и не думал шуметь.

— И вы всегда так спите? — Шэнь Цинжань указал на солому.

— Ну да, — солдат не видел в этом ничего необычного. — Генерал спит на таком же. Только у него в палатке есть большой стол, я сам видел. Там разложена большая карта, и все важные советы проходят у него. Если погода хорошая, мы спим прямо в одежде, даже палатки не ставим. Но в последнее время по ночам выпадает сильная роса. Старина Ли, например, с севера, он из-за сырости спать не мог, вот генерал и велел раздать сухую траву, чтобы стелить от влаги.

Сюэ Фэйфэн привел к границе Цинчжоу всего две тысячи человек для быстрого перехода, основные силы находились в другом месте.

Шэнь Цинжань присел перед ним на корточки:

— А что вы любите есть больше всего?

— Паровые булочки из белой муки! — солдат облизнулся. — А если к ним еще и каши — вообще красота!

— А как же овощи?

— Мы — авангард, передвигаемся быстро, берем с собой только сухой паек.

— И питаетесь только этим?

Солдат возмутился:

— Что значит «только этим»? Главное — брюхо набить. Генерал ест то же самое, что и мы.

Шэнь Цинжань не смог сдержать грустной улыбки:

— А каких лекарств вам не хватает?

Сюэ Фэйфэн вряд ли стал бы рассказывать ему о таких вещах, так что лучше было выведать всё здесь и сейчас.

Солдат только открыл рот, чтобы ответить, как старый ветеран рядом с ним, натужившись до красноты, выплюнул кляп и закричал:

— Дурак! Это же вражеский лазутчик! Чего ты ему всё выбалтываешь?! Я тебя чему учил?!

Молодой солдат густо покраснел и чуть не расплакался:

— Я... я...

Шэнь Цинжань успокоил его:

— Не бойся, я не шпион.

Он медленно выдохнул и, словно обращаясь в пустоту, произнес:

— Максимум полгода... Дайте мне еще полгода, и всё изменится к лучшему.

Услышав это, Чан Чань и ее братья вздрогнули.

Вступив на этот путь, отступать было уже некуда. Что бы теперь ни задумал госпожа, им оставалось лишь следовать за ним.

Сапоги, набитые машем, невыносимо жали. Шэнь Цинжань сел на корточки у входа в палатку и сквозь щель в пологе стал наблюдать за спящими снаружи солдатами.

Сюэ Фэйфэн недоедал, спал на соломе, а сам пытался запереть его на вилле, чтобы он там жил в роскоши и довольстве.

Если бы он случайно не оказался рядом с военным лагерем, то так бы и продолжал верить сказкам в письмах: «Сегодня отлично спал, кровать была такой высокой, что чуть не упал», «Вчера подстрелил косулю, три дня ели мясо»... А на деле? Ни кровати, ни мяса. Да и как бы Сюэ Фэйфэн мог три дня в одиночку есть мясо, когда вокруг столько голодных солдат?

Они стояли друг друга, никто не вправе упрекать другого во лжи.

Полог палатки колыхнулся от ветра. Внезапно Шэнь Цинжань заметил в лагере девушку в желтом платье. Она выглядела нежной и миловидной; в отличие от Чан Чань с ее уверенной поступью мастера боевых искусств, эта девица при ходьбе словно порхала.

Женщина? В военном лагере?

Увидев, как она направляется к самой большой палатке, Шэнь Цинжань широко распахнул глаза. Это еще что за новости у Сюэ Фэйфэна?!

Заметив, как переменилось лицо госпожи, Чан Мин проследил за его взглядом и тоже погрузился в молчание.

Честно говоря, он и сам впервые видел женщину в военном лагере.

— Генерал невиновен! — Чан Мин не раздумывая бросился на защиту своего господина. — Это невозможно! Всё не так, как вы думаете, молодой господин Шэнь, выслушайте объяснения генерала!

За приведение в лагерь женщин легкого поведения, независимо от звания, по военному уставу полагалось пятьдесят ударов палками.

Шэнь Цинжань мрачно спросил:

— И что же она, по-твоему, здесь делает?

Он плюхнулся на землю, устав сидеть на корточках в жмущих сапогах. Шэнь Цинжань потирал затекшие ноги. Если бы не желание встретиться с Сюэ Фэйфэном после посадки хлопка, он бы уже и шагу ступить не смог.

Прекрасно. Он посадил пятьсот му хлопка, вымотался до полусмерти, загорел как вяленая редька, а его еще и схватили на подступах к лагерю.

А какая-то свеженькая, миловидная девица разгуливает здесь совершенно свободно. Отлично.

В груди закипала ревность.

Прошло уже столько времени, а Чан Суй всё не возвращался.

Значит, встреча с девицей в желтом для Сюэ Фэйфэна важнее?

Сравнив себя с ней, Шэнь Цинжань решил, что сейчас он и одеждой, и внешним видом уступает этой барышне, и сердито буркнул:

— Пошли отсюда. Оставь записку для Чан Суя, напиши, что я очень зол и больше не желаю видеть вашего господина.

Чан Мин в растерянности почесал затылок:

— Э-э...

Они уже проделали такой путь, и если уйдут, не повидавшись, генерал с них три шкуры спустит!

Видя, как их госпожа день за днем трудится не покладая рук, они уже давно прониклись к нему глубоким уважением. Появление этой девицы в желтом их тоже разозлило. Сразу видно — белоручка, ничего не смыслящая в земледелии, куда ей до генерала! Их госпожа — единственная законная пара! Как вообще эта полевая ромашка сюда пробралась?

— Господин Шэнь, не горячитесь. Я быстро сбегая и вернусь, — не дожидаясь возвращения младшего брата, Чан Мин откинул полог и напрямик направился к Сюэ Фэйфэну.

Главный шатер находился неподалеку, и вскоре Чан Мин увидел стоявших перед ним Чан Суя и ту самую девицу.

— Чего ты здесь столбом стоишь?! — Чан Мин стукнул брата по его деревянной башке. — Госпожа уже заждался!

Чан Суй не смог найти Чан Бая, а генерал был на совещании и отдал приказ никого не

впускать.

Под словом «никого» не подразумевался Шэнь Цинжань. Обычно у входа дежурил Чан Бай, который докладывал Сюэ Фэйфэну о любых делах, касающихся Шэнь Цинжана, в первую очередь.

Но сейчас Чан Бая не было. И приказ выполнялся со всей строгостью.

Молодой офицер на страже вроде бы узнал Чан Суя, но, не смея нарушить приказ, велел ему ждать.

А Чан Суй, человек прямолинейный, рассудил так: госпожа находится под надежной защитой старшей сестры и брата, опасности нет, так что можно и подождать. Он был уверен: если бы Шэнь Цинжань знал, что генерал занят важными делами, он бы и сам не стал его беспокоить.

— Иди, скажи госпоже, чтобы не волновался, — велел Чан Мин брату, а затем повернулся к девушке в желтом. — Ты кто такая? Как попала в военный лагерь?

Девушка смерила Чан Мина взглядом и, почувствовав его враждебность, вскинула тонкие брови:

— Я — будущая жена генерала! Советую тебе быть со мной повежливее!

Чан Мин хмыкнул, словно услышал нелепую шутку:

— Мечтай!

Девушка указала на шатер:

— Мой батюшка сейчас внутри, обсуждает дела с генералом. Вот выйдет — и всё решится, помяни мое слово.

Чан Мин на мгновение задумался, что вероятнее: генерал изменил жене или же решил прибегнуть к «медовой ловушке», но твердо остался на стороне Шэнь Цинжана. Нахмурившись, он заявил:

— Наша госпожа — не ты.

— Да как ты... как ты смеешь... — Девушка, не привыкшая к подобному обращению, замахнулась, чтобы дать ему пощечину. — Дерзить мне?!

Чан Мин уклонился, девушка не удержала равновесие и плюхнулась на землю. Он с напускной любезностью помог ей подняться: кто знает, кто ее отец, лучше пока не нарываться.

Но стоило ему прикоснуться к ней, как она вцепилась в него, принялась колотить, дергать за волосы и рвать одежду — сушая головная боль.

— Что за шум? — Сюэ Фэйфэн, услышав возню, вышел из шатра. — Военный лагерь — не место для криков... Чан Мин, что ты здесь делаешь?

— Приехал молодой господин Шэнь.

— Жань-Жань... Где он?!

Как Шэнь Цинжань здесь оказался? В письмах он об этом ничего не писал!

Жань-Жань сам приехал к нему! От одной этой мысли Сюэ Фэйфэн пришел в такой восторг, что вся усталость от долгих переходов улетучилась без следа. Даже если Шэнь Цинжань находился в двадцати ли отсюда, он бы, наверное, помчался к нему бегом, забыв про лошадей.

Услышав от Чан Мина, где тот находится, Сюэ Фэйфэн напрочь забыл о стоящей рядом девице и даже не подумал выяснять, откуда она вообще взялась в лагере.

Не в силах — да и не желая — скрывать широкую улыбку, Сюэ Фэйфэн бросился к палатке и столкнулся лицом к лицу с выходящим оттуда Шэнь Цинжанем.

Он крепко прижал к себе жену, по которой так тосковал больше полумесяца:

— Как ты здесь очутился?!

Шэнь Цинжань, не глядя на него, отстранился:

— Я уже ухожу.

— Как же ты похудел! — Сюэ Фэйфэн сразу нащупал выпирающие лопатки. — Нет аппетита? На вилле плохо кормят?

— От злости похудел, ясно? Отпусти, у меня дела.

Сюэ Фэйфэн не понимал, почему жена с первой же секунды встречает его в штыки, но отпускать его он явно не собирался.

Неужели всё еще злится за тот случай?

Обняв упрямящегося Шэнь Цинжаня, он отвел его в пустую палатку:

— Перестань злиться, дай мне на тебя посмотреть.

— Ты совсем ничего не ел? — с болью в голосе спросил Сюэ Фэйфэн, осыпая поцелуями лицо Шэнь Цинжаня. Генералу и в голову не приходило, что в его отсутствие жена тайком засеяла пятьсот му земли.

На вид он казался худее, но на вес вроде бы почти не изменился.

Странно.

Сюэ Фэйфэн вслух выразил свое недоумение.

Шэнь Цинжань изначально, чтобы скрыть свою личность, надел поверх своей одежды грубую робу слуги, что прибавило ему объема. Лицо он уже очистил от золы, а от злости на его щеках заиграл румянец.

— Я в последнее время закалял тело, так что вес ушел в другие места.

Например, в ступни.

Сюэ Фэйфэн машинально похлопал жену по ягодицам — не похоже, чтобы там прибавилось плоти.

— Врешь.

— А еще ты, кажется, загорел? — Сюэ Фэйфэн с серьезным видом попытался распахнуть ворот одежды Шэнь Цинжання. — Дай-ка посмотрю.

Шэнь Цинжань запахнул воротник:

— Слишком поздно, Сюэ Фэйфэн, время вышло.

Мы полмесяца не виделись, стали совсем чужими, так что руки не распускай.

Пальцы Сюэ Фэйфэна замерли, и он, чувствуя свою вину, отдернул руку.

Раз уж он принял то решение, то не мог отступить.

Впервые Сюэ Фэйфэн так возненавидел военный лагерь за то, что здесь нет нормальной кровати — его жене даже присесть некуда. И всё же что-то не сходилось: подбородок Шэнь Цинжання заострился, он явно похудел.

Точно похудел.

Сюэ Фэйфэн приподнял Шэнь Цинжання, прикидывая его вес.

Нет, не стал легче.

Великий генерал снова ощупал лопатки и руки жены — да, худее.

Он повторил эту процедуру несколько раз.

Шэнь Цинжань покорно терпел эти манипуляции, глядя на то, как Сюэ Фэйфэн мнетя, не решаясь раздеть его, и чувствуя одновременно и злость, и смех.

Так тебе и надо, трусишка.

<http://bllate.org/book/17933/2086039>